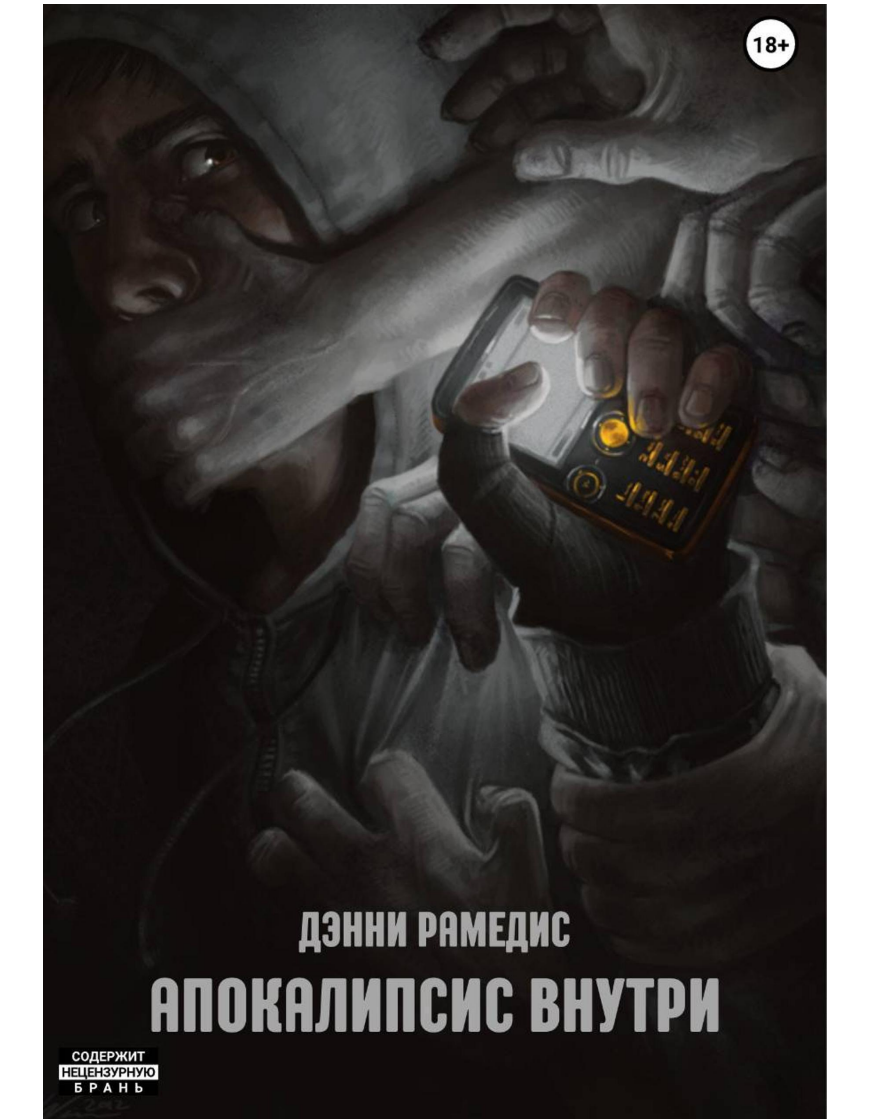

18+

ДЭННІ РАМЕДІС АПОКАЛІПСІС ВНУТРІ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Дэнни Рамедис Апокалипсис Внутри

<https://litres.ru/74487079>

SelfPub; 2026

Аннотация

После потери всех своих сбережений Адриан возвращается в родной провинциальный городок. Там ему предстоит встретиться со своими страхами и пережить ночь, полную опасных событий.

Дэнни Рамедис

Апокалипсис Внутри

ПРОЛОГ

Адриан стоял на балконе, держа в руках сигарету, и глядел вдаль, туда, где за крышами безликих, сливающихся друг с другом высоток, помигивал красный огонёк на фоне угрюмого ночного неба. Огонек исходил от телевизионной вышки, и в его пульсировании – то ритмичном, то хаотичном – было что-то гипнотически успокаивающее. Адриан вдруг представил, будто кто-то с небес посылает ему сигнал: пытается таким образом подбодрить его, внушить надежду... Но надежда истекала кровью, барахталась в грязной луже, точно прибитая муха, и умирала; а огонёк предназначался вовсе не ему, а пролетающим в небе самолётам.

Адриан поднес сигарету ко рту и затянулся. Дым обжёг горло, заполонил лёгкие, мозг, сердце. Это была тридцать восьмая сигарета, выкуренная им за сегодняшний день. Еще недавно он пытался бросить и даже продержался неделю. А потом случилось то, что случилось, и денег у него осталось лишь на пару пачек сигарет. Самых дешёвых и вонючих.

Адриан взглянул вниз, прикидывая расстояние до земли. Девятый этаж. Если прыгнуть сейчас, то всё закончится. Была бы только воля. К тому же ему не хотелось в процессе полета вдруг осознать, что все его мирские проблемы решаемы, и в сотый раз за свою жизнь о чём-то пожалеть. Нет, если уходить, то мирно, спокойно, а лучше всего – лишив-

шись сознания. Дабы агонизирующая надежда не цеплялась за жизнь.

Докурив сигарету до самого фильтра, Адриан зашел обратно в квартиру. Во рту образовалась едкая удушливая горечь, от которой желания жить стало еще меньше. Проходя мимо шкафа с зеркалом, он вдруг остановился и посмотрел на себя. То, что там отражалось, внушало ужас.

Из зеркала на него смотрел худой, как щепка, и совершенно опустошенный молодой человек. Когда-то его можно было бы назвать привлекательным, но использовать это слово сейчас не повернулся бы язык: осунувшееся лицо, впалые щеки и глаза, сочившиеся смесью отчаяния и отвращения к собственному отражению, производили впечатление весьма гнетущее, если не сказать отталкивающее. Так выглядели люди в психиатрических учреждениях. Так выглядел Адриан в свои двадцать четыре года.

Он внимательно смотрел на своего двойника, пытаясь отыскать в нём хоть что-то приятное, но обнаружил лишь новые залысины на макушке головы. Они появились у него еще пару месяцев назад, но сейчас – на фоне постоянных стрессов – распространялись с пугающей скоростью. Еще чуть-чуть, и линия роста волос тоже начнёт отступать вверх: некогда густые, черные волосы в области лба выглядели истонченными.

«Мои волосы – как крысы, – подумал он, – бегут с тонущего корабля». Тонущим кораблем, очевидно, был он сам.

Подавив желание плюнуть в зеркало, Адриан выключил свет и рухнул на кровать. Находиться в темноте было приятно: темнота, словно родная мать, обволакивала его и согревала. В темноте было проще размышлять о своём положении.

Итак, он потерял все свои деньги. Остался совсем один, в чужой стране, ни кому не нужный. Через неделю – время платить за квартиру, и злобная, престарелая хозяйка, похожая на жабу в очках, больше не станет давать ему отсрочек. Работы он тоже лишился. Да и сама мысль о работе вызывала теперь неприязнь. У него больше нет мотивации. Нет сил даже почистить зубы перед сном. Ничего нет. Только болезненная, всепоглощающая пустота внутри.

Адриан уставился в покрытый трещинами потолок и представил, как его безжизненное тело свисает оттуда, точно кусок замороженного мяса в цеху. Он рисовал в своей голове сцены, последующие за его смертью: вот проходит день-два, тело его начинает источать вонь, вокруг, жужжа, собираются мухи. Спустя неделю хозяйка начинает жалобно трезвонить, но ответа не получает и решает сама наведаться сюда. Преисполненная праведного гнева, уверенная, что её просто игнорируют, она открывает дверь своим ключом, который у неё наверняка имеется, и видит свисающий с потолка труп. Адриану нравилось вообразить, как её лицо перекашивается от ужаса, как в нос ей ударяет запах гнили, и у неё случается сердечный приступ.

Она бы заслужила такой смерти, подумал он. За то, что осмелилась сдать эту тесную, мрачную квартиру, больше похожую на больничную палату, с выцветшими обоями и старой дряхлой кроватью, от которой пованивало еще в день заезда. Квартиру с одним единственным деревянным стулом. Без телевизора. Без столика. Зато с зеркалом, ущемляющим и без того заниженную самооценку.

Адриан понимал, что ситуация его безнадежная, но сквозь закоулки сознания вдруг стало проглядывать решение. Он пытался оттеснить его обратно, выкинуть, как мусор, но оно назрело уже давно и не желало отступить. Выбор невелик: либо суицид, либо то, что обнулит шесть лет его жизни и вернет туда, откуда всё начиналось.

Чувствуя, как к горлу подступает ком, а пустота внутри тела расширяется, Адриан потянулся к мобильнику и набрал матери.

– Я хочу домой, – сказал он, как только они обменялись приветствиями.

На конце провода повисла тишина – вязкая, неприятная.

– Это правда? – послышалось наконец.

– Да.

– Что-то случилось?

Голос матери зазвучал взволнованно.

– Нет, – проговорил Адриан сквозь слёзы. – Просто я...устал уже.

Вдаваться в подробности ему не хотелось, а слово «устал»

как нельзя лучше передавало его нынешнее состояние.

– Скажи честно, – не унималась мать, – ты снова вложил деньги, куда не следовало?

– Давай не будем об этом. Пожалуйста. – Слезы стекали по щекам вниз, прямо к губам, отчего собственные слова становились солёными на вкус. – Я просто хочу домой.

– У тебя есть деньги на билеты?

– Нет.

И вновь эта тягучая тишина. Вопреки законам физики, Адриан видел, как за тысячу километров отсюда мать взвешивает в своей голове все за и против.

– Хорошо. Завтра мы с отцом пошлём тебе деньги.

Адриан неприятно поморщился. Мать произнесла эти слова чересчур снисходительно, почти строго, и никакого счастья в её голосе не слышалось. Что странно, учитывая, как на протяжении шести лет – во время их частых телефонных бесед – она всякий раз говорила, как сильно по нему скучает и мечтает снова увидеть его.

– Кажется, ты не очень рада, – сказал Адриан.

– Ну что ты такое говоришь. Конечно, я рада. Просто это так... неожиданно.

Адриан вдруг признался себе, что хотел услышать совсем другое. «Не вздумай возвращаться! – могла бы выпалить мать. – Ты бросил нас, а теперь ждёшь, что мы встретим тебя с распростёртыми объятиями? Ну уж нет, тебя здесь никто не ждёт! Оставайся там. Ты мне больше не сын!» Эти слова

вогнали бы последний гвоздь в крышку его гроба, принесли бы вожаденное облежение. Ведь порой безвыходная ситуация лучше, чем ситуация, из которой выход есть, – но он не нравится тебе до безумия.

– Приезжай как можно скорее, – сказала мать.

– Хорошо. И...спасибо.

Никакой благодарности Адриан, однако, не испытывал.

Когда разговор с матерью подошёл к концу, он перевернулся на бок и сжался в эмбрион. В животе заурчало, последний раз он ел еще утром. Впрочем, голод был не настолько сильный, чтоб заставить его встать с кровати.

От одной мысли, что он снова окажется в родном городе, – поверженный суровой реальностью, в окружении родителей и безобразных декораций прошлого – сердце сжималось, как губка. Он пытался убедить себя, что дома он сможет отдохнуть и восстановить силы, но в это верилось с трудом. Рычма – не то место, где можно заново обрести себя; это место, где умирают мечты, где живут люди, утратившие надежду, и куда не пробивается солнечный свет. Когда-то он уехал оттуда, но частица родного города, точно радиация, осталась внутри него и продолжала отравлять жизнь.

Адриан закрыл глаза. Сон казался спасением. Хотелось погрузиться в него, раствориться с собственными сновидениями, и больше никогда не открывать глаза. И если где-то во вселенной блуждают боги хотя бы с капелькой милосердия, то они подарят ему это забвение.

Но боги были слишком жестоки.

ГЛАВА 1, в которой Адриан возвращается домой

Оказавшись на родине, Адриан не мог избавиться от ощущения, что всё происходящее является сном. Когда-то он был уверен, что никогда сюда не вернется, но мать, будучи поклонницей избитых цитат, всегда любила повторять «никогда не говори никогда»... И вот он здесь, сидит в этом обшарпанном автобусе, что несет его по дорогам Алмынии, — в самую глубь страны, в Рычму.

Назвать это место захолустьем было бы сильным преуменьшением. Рычма была маленьким городом с населением в три тысячи человек, спрятанным в такой же маленькой, никем не признанной стране. После давнишней войны Алмыния надолго отстала в развитии, и если в столице еще наблюдались признаки цивилизации, то Рычма до сих пор носила на себе отпечаток боевых действий. Жилые прямоугольные дома, раскинутые вдоль просторных, но молчаливых улиц, соседствовали здесь со сгоревшими постройками, обвитыми таким количеством плюща, что на ум невольно приходили ассоциации с концом света; посреди ухабистых дорог то и дело встречались пустыри, некоторые из которых были приспособлены под футбольные площадки для детей; а прямо в центре города, рядом с обветшалыми зданиями администрации и полицейского участка, точно поверженный

монстр, грудой руин возлежал некогда действующий торговый центр.

Молодежь валила из Рычмы, едва закончив школу, а те, кто по каким-то причинам оставался, либо превращались в закоренелых наркоманов под гнетом тотальной безнадеги, либо худо-бедно приспособливались, но платили за это умением улыбаться.

И все-таки, было здесь какое-то свое странное, почти волшебное очарование. Так, Рычма была воздвигнута на берегу моря, и хотя даже это обстоятельство не сумело привлечь сюда туристов, именно благодаря морю город отличался от других подобных мест, рассыпанных по миру. Как бы паршиво ни было на душе, всегда можно было выйти на улицу и прогуляться по набережной, отделяющей неухоженный каменистый пляж с разбросанным повсюду мусором от городской части; подышать свежим соленым воздухом, подставив лицо под бриз... поглядеть на темно-синюю гладь воды, уводящую в далекие, недоступные края... и утопиться в ней, если на то пошло.

Автобус высадил Адриана у железнодорожного переезда как раз в тот момент, когда над городом сгустились сумерки. Это было очень кстати, ибо желание встретить какого-нибудь знакомого отсутствовало начисто. Нет, однажды, конечно, придется с кем-то пересечься – и объяснять, почему он вернулся, и что в его жизни поменялось, и как там жилось на чужбине, и женился ли он, и работает ли где, и какие пла-

ны теперь у него, и вообще, почему он так исхудал; и так по кругу с каждым встречным – но сейчас к этой пытке Адриан был морально не подготовлен.

– Тебе точно здесь? – спросил его водитель автобуса, видимо, заметив выражение смятения на лице Адриана.

– Да, да. Просто я давно тут не был.

– А я тебя не знаю случайно?

– Думаю, что нет.

– Ну-ну.

Автобус запыхтел, выпустил густое облако дыма и тронулся прочь.

– С ума сойти, – проговорил Адриан вслух, разглядывая знакомые места.

Прямо у дороги стояла одинокая покосившаяся будка, которая обслуживала этот переезд ещё в прошлом веке, но сейчас там никого не было: застывший навеки шлагбаум приглашал проехать через пути в любое время. Слева от Адриана – прямо у опушки леса – возвышалась ветряная мельница; её лопасти зловеще шевелились в темноте. В детстве Адриан часто ходил туда с покойной бабушкой, помогая ей донести мешки с зерном, и эти лопасти, такие громоздкие вблизи, казались ему частью жуткого космического корабля. Рядом с мельницей кто-то обустроил магазинчик, которого раньше здесь не было, а через дорогу, на небольшом холмике, находилось одно из двух городских кладбищ; сквозь деревья в свете тусклых фонарей можно было разглядеть его

многочисленные надгробья.

Во всей окрестности стояла тишина, нарушаемая лишь лаем собак, поскрипыванием мельницы да детскими выкриками где-то вдали. Это была южная окраина Рычмы.

Нахлобучив на себя капюшон, Адриан ступил на железную дорогу и зашагал по ней в направлении дома. Справа, за зарослями ежевики, тянулась обычная дорога, но ему всегда нравилось идти по рельсам; к тому же вдоль них люди встречались реже.

Глядя на линии электропередач, прорезавшие небо цвета синяка на километры вперёд, Адриан вдруг испытал чувство вдохновения. Поначалу оно будто подкралось к нему, совсем незаметно, робко, но когда на небо высыпали звёзды, – которые могли быть видны только в таком захолустье, как Рычма – картина перед ним стала настолько живописной, что желание взяться за кисть накрыло с головой. Впрочем, стоило только вспомнить, насколько не востребованными стали его таланты, как желание это тут же пропало.

Чем дальше Адриан шёл вперёд, тем явственней понимал: ему не так плохо, как он себе представлял. Да, на душе скребли кошки, и да, будущее рисовалось мрачным, но в то же время родные пейзажи обдавали его каким-то странным, приятным теплом, похожим на то, что возникает в теле после ледяного душа, когда расширяются сосуды. Всё вокруг вселило чувство безопасности, и впервые за долгое время Адриан не думал, как выжить в чужом мире.

Наконец, он сошел с рельс, спустился по склону и вышел на узкую грунтовую дорожку, где посреди двух заросших травой пустырей стоял его дом. Двухэтажный, с треугольной черепичной крышей и поблекшими белыми стенами, он имел совершенно невзрачный вид, но сейчас казался самым уютным в мире.

Адриан знал, что это чувство пройдет, стоит только прожить под его крышей пару дней. И всё же – стоило насладиться этим моментом.

Он подошёл к двери, понял, что она открыта, но заходить не стал. Вместо этого тихонечко постучал и принялся ждать, разглядывая крыльцо, на котором стояли два новых плетеных стула и всё тот же круглый стеклянный столик с покосившейся ножкой. Хорошо, подумалось ему, что ближайшие соседи жили в квартале отсюда и не могли видеть его появления. А впрочем, Адриан бы не удивился, если кто-то из них наблюдал за ним из бинокля: люди тут были несчастные, но любопытные.

Через несколько секунд дверь открылась, и на пороге возник худой невысокий мужчина, с поседевшими волосами и суровым, словно высеченным из камня лицом, которое оживляли блестящие каштановые глаза. Это был отец.

– Привет, – сказал он.

– Привет, – ответил Адриан.

Обнявшись, они неловко переминались с ноги на ногу прямо в прихожей, не зная, как продолжать эту сцену.

– Нормально добрался? – спросил наконец отец.

– Да.

– На таможенные проблем не возникло?

– Так, пару вопросов задали, и всё.

Отец вдруг наклонился к нему и аккуратно похлопал по плечу.

– Ну вот, дома ты, сынок, – сказал он и обвёл воздух руками; затем добавил: – Я рад, что ты вернулся.

Адриан понимал, что отец пытался проявить совершенно не свойственную ему сентиментальность, и был искренним в своем порыве – однако получилось у него нелепо и фальшиво. Оставаясь наедине с ним, Адриан всегда испытывал жгучий дискомфорт: ему было не о чем говорить с отцом, и любви к нему он тоже не испытывал. Может, это было связано с его деспотичным характером, который особенно ярко проявлялся в детстве (сейчас же отец казался более мягким), а может, Адриан просто слишком много времени проводил с матерью, не успев проникнуться к отцу чувствами и запомнив его только злым и ругающимся.

– Не замёрз? – продолжал заполнять тишину отец.

– Не, нормально.

– Подожди, сейчас ноябрь закончится, и вообще колотун будет. Но ты не волнуйся, в доме теперь тепло, я новое отопление сделал. И печь дровяную купил на всякий случай, в сарае пока лежит.

– А что, свет до сих пор отключают?

– Отключают, сволочи. Особенно зимой.

– Мда...

– Ну ты давай, проходи... мать на кухне, не расслышала, как ты стучишь. Да и зачем стучал вообще? Не в гости же пришел!

Отец рассмеялся своей шутке так, будто услышал самый смешной анекдот в мире, а Адриан, выдавив из себя сухую улыбку, направился вглубь дома.

Всё здесь осталось нетронутым – те же тёплые, серо-коричневые обои с причудливым орнаментом; та же старая деревянная мебель вместе с квадратным телевизором, по которому сейчас показывали новости; те же плотные шторы, отсекавшие мир снаружи. Даже свет ламп остался тем же – томным, приглушенным, создающим густые тени по углам комнат.

И только одно отличие бросалось в глаза: весь дом был крошечным. Казалось, будто за время его отсутствия комнаты сплющились, скукожились под воздействием некой невидимой силы; и если раньше они казались Адриану просторными, и по ним можно было бегать, то теперь комнаты стали тесными до неудобства.

– Почему всё такое маленькое? – ахнул он.

– Вырос ты, – усмехнулся отец. – Поэтому так кажется.

И правда, когда он уезжал, ему было восемнадцать (почти ребёнок), а сейчас уже двадцать четыре. За спиной появился жизненный опыт, из-за которого многие вещи – в том числе

материальные – теперь выглядели иначе. Жалко только, что спина при этомгнулась нещадно.

Мать стояла на кухне, за плитой, и уже дожидалась его. Всем своим видом она производила впечатление женщины очень хрупкой и нежной, похожей на увядающую, но всё ещё прекрасную лилию. Её длинные волосы, которые она неизменно красила в светлый цвет, были аккуратно собраны в пучок; губы – на помажены, брови – подчеркнуты; а само лицо, хотя и было испещрено тоненькими, едва заметными морщинами, выглядело свежим и не носило того отпечатка надвигающейся старости, что свойственен женщинам за пятьдесят, особенно в Рычме. За шесть лет мать не набрала ни грамма: осталась такой же стройной и изящной. Правда, худоба придавала ей слегка болезненный вид.

Сейчас она смотрела на Адриана, и её карие глаза были наполнены сладостной печалью.

– Привет, – сказал Адриан.

– Ну привет, – ответила мать и приглашающе раскинула руки.

Однако Адриан не спешил пускаться в объятия. Если с отцом он обнялся исключительно ради этикета, то с матерью его связывали гораздо более близкие – и сложные – отношения, чтоб начинать встречу с чего-то столь формального.

Они так и стояли, глядя друг на друга, словно застывшие, пока сзади не раздался голос отца:

– А чего не обнимаетесь?

– Плохая я, – проворковала мать. – Не заслужила, наверное.

Улыбнувшись, Адриан с нарочитой неохотой подошёл к матери и принял её объятия. В нос тут же ударил её запах, такой знакомый, – запах восковых свеч и чистых, вымытых шампунем волос.

– Я так скучала по тебе, ты не представляешь.

– Я тоже, – сказал Адриан.

– Правда?

– Да.

Мать вдруг отстранилась, оттерла выступившие на глазах слёзы и принялась разглядывать его, точно экспонат:

– Такой худой стал – ужас... Кожа да кости. Неужели ты там ничего не ел? – Её взгляд скользил вдоль его тела снизу вверх и, наконец, остановился на голове: – А волосы... у тебя что, они выпадают?

– Не знаю. Наверное.

– Не рановато ли? Даже у твоего отца, вон, все волосы целые.

– Зато седые. И может, хватит уже...?

– Не хватит! – вдруг громко перебила мать. Глаза её вновь налились слезами, а голос стал истеричным, режущим слух. – Посмотри, во что ты себя там превратил. Свободы хотел... вот тебе и свобода. А я говорила, помнишь, предупреждала – не езжай ты туда, останься. На коленях тебя просила!

– Всё – успокойся, – вмешался отец. – Не надо сопلي раз-

водить. Он уже взрослый мужик. Приведет в себя порядок.

Адриан сжал руки в кулак и крепко, почти до боли, вцепился ногтями в ладони. Наваждение, вызванное ностальгическими чувствами, испарилось, и осталась лишь реальность – жестокая и прозаичная; та самая реальность, что взрастила его и зловонным болотом бултыхалась в сердце.

– Ладно, прости, – пролепетала мать, глотая слёзы. – Я готовлю ужин. Картофельную запеканку с грибами. Через десять минут будет готово, а пока можешь... осмотреться. В твоей комнате я уже постелила.

– Хорошо. Тогда пойду туда.

– Ах да, и питаемся мы скромно: ты знаешь, продукты нынче очень дорогие. Но по сегодняшнему случаю я, так уж и быть, испекла пирог. С черникой, как ты любишь.

Адриан в очередной раз удивился, насколько бестактно мать умела подавать информацию и, скривив губы в подобии улыбки, промолвил «спасибо». Затем взял единственную сумку, с которой приехал, и пошел наверх.

Оказавшись в своей комнате один, Адриан с облегчением вздохнул: встреча с матерью уже успела утомить его. Хуже всего, что это было только начало: мать ещё непременно разрыдается, устроит сцены, театральности которым позавидовал бы любой драматург; а потом кинется в крайности – то станет спокойной, как удав, и чуткой, нежной, то снова разбушует, причём неизвестно по какой причине. Адриан понимал, что, раскачивая его на своих качелях, мать манипу-

лировала им – правда, скорее инстинктивно, нежели сознательно – но даже вопреки этому пониманию её манипуляции действовали безотказно: в горле стоял ком из чувства вины, стыда и ненависти к себе.

Положив сумку на пол, Адриан осмотрелся. Комната его была обставлена скудно: письменный стол, шкаф, кровать – и ничего лишнего. На одной-единственной полке, неряшливо прибитой к стене самим Адрианом, виднелись разноцветные корешки книг и коллекционные фигурки, а над кроватью висело два постера: один с группой Pink Floyd, другой – с Radiohead. Скучный интерьер кое-как разбавляли синие занавески.

И снова это ощущение, будто комнату уменьшили в два раза.

Адриан хотел закрыть дверь на ключ, но вспомнил, что замка в двери никогда не было. Он задался вопросом, а не являлось ли это внезапное желание запереться инстинктивным, связанным с тем, что случалось здесь в детстве, – когда посреди ночи дверца вдруг скрипела, и в проёме возникала тёмная фигура. Безликая и бесформенная, она тихонько проскальзывала в комнату, кружилась по ней, точно исполняя какой-то ритуал, а потом забиралась под его одеяло... Адриан понимал, что это были ночные кошмары, но они так хорошо отпечатались в памяти, что сумели взбудоражить его даже сейчас, спустя столько лет.

Адриану вдруг невыносимо захотелось покурить.

Он достал сигареты, открыл окно и присел на подоконник. Закурил. Холодный ветер приятно обдул лицо после душной сцены на кухне. Подумать только, ещё пару дней назад он точно так же пронзал взглядом ночь в тысяче километров отсюда; и точно так же курил, преисполненный отчаяния. Но теперь отчаяние ощущалось по-другому. Адриан пытался понять, в чём же эта разница, и когда сигарета догорела уже наполовину, мысль вдруг чётко сформировалась в голове: разница в том, что там, посреди чужой страны, у него еще оставались крупицы свободы, и потому смирение со своим положением давалось с трудом, через невыносимую душевную боль; но здесь и сейчас, когда он снова дома и ловушка захлопнулась окончательно, смирение наконец пришло и, точно мёд, подсластило горькую пилюлю отчаяния. Да, всё плохо. Но хуже уже быть не могло.

Где-то вдали раздался пронзительный визг шин, а следом – звук разбиваемого вдребезги автомобиля. Адриан не удивился: в Рычме любили скорость. Так, шоссе, что тянулось вдоль набережной города, часто становилось местом гибели молодых людей, которые садились за руль под кайфом и гнали так, словно мир вокруг был сделан из ваты. Адриан понимал их. И осознание, что кто-то поблизости прямо сейчас испустил дух, вызвало в нём легкую, белую зависть.

В дверь постучали. Адриан выкинул сигарету и прогнал дым рукой. Он знал, что это отец, потому что мать всегда входила без предупреждения.

Так и оказалось.

– Ужин готов, – сообщил отец. – Можешь спускаться.

– Сейчас приду.

– И смотри, руки не забудь помыть.

– Хорошо.

Всю свою жизнь отец вёл некую сакральную, одному ему ведомую войну против бактерий, микробов и прочих невидимых тварей, обитающих повсюду. Иначе не объяснить, почему он советовал мыть руки по сто раз в день.

– Только с мылом помой! Тщательно. Слышишь?

– Да, – едва не прорычал Адриан.

Вывод напрашивался один: в глазах родителей он – по-прежнему ребенок.

ГЛАВА 2, в которой Адриан ужинает с родителями

Во время ужина Адриан не мог избавиться от ощущения, будто сидит перед родителями абсолютно голым. Отец то и дело поглядывал на него мельком, и всякий раз, когда Адриан ловил его взгляд, то встречал в нём разочарование, смешанное, правда, с толикой сочувствия. Мать же смотрела на него прямо, беззастенчиво; в её глазах читалась такая боль, как будто один только вид сына царапал ей кожу ногтями. Адриан не мог понять, действительно ли он выглядит настолько ужасно, или родители просто преувеличивают. Разумеется, ему тоже не нравилось своя унылая физиономия, но в глазах матери он, казалось, стал инвалидом; а в глазах отца – не оправдавшим надежд товаром.

Первые несколько минут, пока все ели, за столом повисло напряженное молчание; только тихонечко звенели вилки, чавкали рты – особенно громко у отца – да телеведущая из новостей тараторила что-то об экономическом коллапсе, угрожающим Алмании.

– Знаешь, Адриан, пути Господни неисповедимы, – наконец сказала мать, – То, что ты вернулся – это к лучшему. Так что не стоит расстраиваться.

– Я и не расстраиваюсь, – сказал Адриан.

Потому что расстраиваются в детстве, когда ломается лю-

бимая игрушка; а когда ломается жизнь, просто расстроиться – уже не вариант.

– И потом, – добавила мать, – в Рычме сейчас не так плохо...

– Я тебя умоляю! – воскликнул вдруг отец и вскинул руки. – Как глушью была, так ею и осталась! Ничего в этом чертовом городе не меняется! Да и в стране тоже!

– Я пытаюсь подбодрить Адриана, а ты только масла в огонь подливаешь.

– Пускай лучше правду знает.

Мать махнула рукой в сторону отца, мол, не слушай его, и продолжила:

– Знаешь, в центре открылось новое заведение, то ли бар, то ли кафе...

– И что? – пробурчал отец. – Подумаешь – *кафе*! – Он произнес это слово с таким возвышающим пренебрежением, словно кто-то собирался сделать из этого кафе резиденцию для Господа Бога. – Этот город надо менять основательно. Дороги нормальные прокладывать, руины восстанавливать. А не строить какие-то... *кафе*!

– Я хотела сказать, Адриан, что... может, ты подыщешь там работенку. Помнишь отца Давида, твоего одноклассника? Так вот, он владелец этого заведения. Уверена, если ты обратишься к нему, он тебя там пристроит. Официантом, например. Или барменом.

При мысли о том, как он обслуживает жителей города,

многие из которых знали его лично, Адриану сделалось тошно. К тому же иметь дело с рычмовскими пьянчугами – на-верняка тот ещё геморрой.

– Хорошо, я подумаю над этим, – соврал Адриан; затем сделал свой голос колючим, как если бы хотел упрекнуть: – А пока можно мне немного отдохнуть?

– Конечно, сынок, конечно... Отдыхай, набирайся сил. Мы тебя никуда не торопим.

На этом матери следовало бы замолчать, но она продол-жила:

– Я просто хочу, чтоб ты нашёл работу заранее, вот и всё. Чтоб не искать потом. Знаешь, как говорится... Зачем откла-дывать на завтра то, что...

– ...можно сделать сегодня, – закончил Адриан, испытав желание провалиться сквозь землю.

– Вот именно.

Он вдруг вспомнил, что мать работает домохозяйкой у местного авторитета, какой-то шишки в алмынском прави-тельстве, и спросил:

– А как насчет твоего работодателя?

– Виктора?

– Да, его самого.

Мать как будто растерялась, веки её затрепетали, точно бабочки. Адриан понял: она не хочет, чтоб он работал рядом с ней. Но почему? Стыдится его? Или боится, что он опло-шает, сделает какую-нибудь глупость, из-за которой она по-

теряет уважение на работе? Наверное, оба варианта вместе.

– Я спрошу, но не уверена, что найдется что-нибудь подходящее.

– Понятно.

Адриан посмотрел на отца: тот работал охранником в портовом складе и тоже мог иметь сведения об открытых вакансиях. В принципе, Адриан был бы не против устроиться на работу где-нибудь в порту – подальше от городской жизни. Физической работы он не боялся (так как подрабатывал грузчиком на протяжении года), а близость моря могла бы вновь разжечь вдохновение. Но всё это – потом: сейчас же Адриану хотелось лечь на кровать и проваляться в ней до наступления весны.

– Вот зря ты говоришь, – обратилась мать к отцу, – будто здесь ничего не изменилось. Этим летом у нас, между прочим, появились туристы.

– Туристы? – ахнул Адриан.

– Твоя мать пургу несёт. *Туристы!* – На сей раз отец произнес слово так, будто этих самых туристов возносили как пророков. – Ну приехало человек десять. Посмотрели на город, искупались на море и сразу уехали.

– Тебе лишь бы поспорить!

– Причём тут «поспорить»? Я говорю по фактам, как есть. То, что сюда приехали десять человек, ничего не меняет.

– В этом году приехало десять, а в следующем, может, сто придет.

Отец задрал голову кверху и громко, театрально рассмеялся. Забавно, как их некогда буйные конфликты, едва не перераставшие в драки, вылились теперь в столь безобидные, даже как будто наигранные разногласия. Адриан вспомнил, как отец, бывало, опрокидывал столы и едва ли не пар выпускал от злости, если был раздраженным, а сейчас вот – сидит и смеётся.

«А может, – подумал он, – родители наладили отношения благодаря тому, что я уехал?»

Это было бы логично: Адриан часто становился их камнем преткновения. Так, мать отдавала себя его воспитанию целиком и полностью; пыталась заполнить собой каждую клеточку в его личном пространстве, и отцу это, конечно, не нравилось. Всякий раз, когда он пытался участвовать в жизни Адриана чуть больше, чем ему полагалось, ревнивая мать приходила в бешенство – и начинались скандалы. «Ты не умеешь воспитывать! – кричала мать в приступе гнева. – Я не позволю тебе испортить нашего сына!» Отец тогда рычал, швырял столы со стульями, и Адриан, не понимавший, что происходит, бежал защищать мать.

Для неё он был чем-то большим, чем просто сын; он был её смыслом жизни, её кардиостимулятором. Именно поэтому мать отреагировала так болезненно, когда узнала, что Адриан хочет уехать. «Я умру, если с тобой что-то случится, – говорила она ему перед отъездом, – Покончить с собой я не смогу, ведь я христианка, но сердце моё точно не выдержит».

– Если в следующем году сюда придет сто туристов, – сказал отец, отсмеявшись вдоволь, – то я отрежу себе голову.

– Ну что за вещи ты говоришь! – возмутилась мать и пнула его рукою. – Взрослый человек, а ведёшь себя как ребенок.

Адриан чувствовал, что тема разговора плавно уходит в нужном направлении, и хотел было воспользоваться этим, как внезапно мать повернулась к нему и спросила:

– А у тебя там была девушка?

При слове «девушка» по её лицу пробежала смутная, едва уловимая тень, как если бы один факт того, что Адриан делил свою постель с какой-нибудь девицей, вызывал у неё тихий ужас.

– Нет, не была.

– Вообще ни разу?

– Если ты имеешь в виду что-то серьёзное, то нет, ни разу.

Адриан говорил правду: немногочисленные его попытки завести отношения обернулись прахом, и он сам не знал, почему. Всякий раз, когда девушки проявляли к нему интерес, он чувствовал, как что-то внутри него, точно барьер, противится потенциальному сближению, и обрывал с ними контакты. Да, ему не нравилось быть одиноким, но в конце концов Адриан убедил себя, что просто не способен испытывать романтические чувства.

Рассказывать об этом родителям он не собирался.

Когда вся картофельная запеканка благополучно переместилась в желудок, – а вместе с ней и большая часть закусок

– мать принесла черничный пирог, от которого исходил приятный, пряный аромат. Она положила его на стол, точно сокровище, с едва ли не религиозным благоговением и, взявшись за нож, строго проговорила:

– Только не привыкайте, что так будет каждый день.

– Да поняли мы уже, – буркнул отец.

Пирог оказался вкусным, прямо как в детстве, – сладким, с легонькой ягодной кислинкой; а благодаря душистому имбирному чаю и вовсе таял во рту. Правда, комментарии матери относительно тех материальных жертв, на которые она пошла, чтоб пирог этот испечь, – вопреки строго расписанному бюджету, – подбавили-таки горчинки в нежное тесто.

Жадно глотая кусок за куском, Адриан вдруг понял, что молчание продолжается, и, пока мать не перехватила инициативу, решил наконец воспользоваться моментом и произнёс:

– Расскажите, что происходило в Рычме в моё отсутствие.

Адриану действительно было интересно узнать последние городские новости, но предметом его подлинного любопытства – удовлетворение которого приносит удовольствие, а не просто знание – были лишь дурные известия: о том, как кто-то сел в тюрьму, или упал с крыши и разбил себе позвоночник, или потерял близкого человека. Не то чтобы подобные новости могли сильно утешить его, продемонстрировав, насколько выгодно он смотрелся на фоне других неудачников; но было в них свое особенное, какое-то неповторимое оча-

рование, как если бы каждая такая новость, точно звонкая монетка, заполняла невидимую копилку внутри него. Адриан был уверен, что нечто похожее испытывал каждый житель Рычмы, но далеко не у каждого хватило бы ума познать природу этого любопытства.

Кроме того, Адриан надеялся, что поставленный им вопрос отвлечёт родителей от обсуждений его жизни.

– Особо ничего интересного, – пожала плечами мать, как будто отвергнув его план, – и потом, ты же знаешь, я не люблю собирать сплетни.

Эти слова были проникнуты настолько явным лицемерием, что оно ощущалось на физическом уровне.

– Все любят сплетни, – отрезал Адриан. – И ты тоже. Просто притворяешься.

– Ах, – не стала спорить мать, – ну я не знаю, что тебе рассказать... Помнишь Еву, дочь Виктора? Такая мартышка была в детстве, страшненькая, а как выросла, стала похожей на лебедя. Выскочила замуж за какого-то парня из Синополя, сейчас живёт вместе с ним.

Сведения о том, кто на ком женился, представляли для Адриана наименьший интерес. Другое дело – кто с кем развелся.

– Ещё что-нибудь?

– Ну...помнишь Веру, мою знакомую с церкви? Когда ты был маленьким, она часто приходила нам в гости и приносила тебе конфеты. Бедняжка вся в долгах. Вложила деньги в

какую-то финансовую пирамиду и всё потеряла.

Черт. Сейчас нужно быть осторожным. Хотя Адриан не вкладывал деньги ни в какие пирамиды – а баловался спекуляциями на рынке рискованных активов – сходство их положений было очевидным, и легко могло вернуть Адриана в центр родительского внимания.

– А ты так же потерял деньги? – нанес отец предательский удар.

– Нет, я потерял их... на фьючерсах.

Правильнее было бы сказать, что он терял их много раз – всякий раз надеясь сорвать куш – но последняя потеря стала роковой. Вырвавшись из родного захолустья, а вместе с ним и от цепких лап помешанной на опеке матери, Адриан надеялся, что во внешнем мире его ждет хорошее будущее, и не расписывал в голове никаких планов. Ему казалось, что он непременно найдет применение своим талантам, свяжет свою жизнь с творческой деятельностью, но вместо этого получил удушающую рутину, целью которой являлось одно, – выживание. Работа, сон, работа, сон... Мир показал Адриану свои зубы, вгрызся в него, точно бешеная собака, и не желал отпускать. То ли в силу наивности, то ли откровенной глупости, Адриан полагал, что, сумев покинуть Рычму, уже сделал главный шаг для достижения того, о чём мечтал, и всё остальное придет само, прямо в руки, стоит только протянуть их. Но самостоятельная жизнь обернулась кошмаром, который высасывал из него все соки.

Тогда Адриан решил, что готов рисковать деньгами ради возможности выбраться из этого кошмара. И так, на протяжении последних двух лет, кошмар обретал новые, еще более безобразные формы, и закончился тем, что он снова здесь, — вынужденный сидеть перед родителями, точно какая-то бактерия под микроскопом.

— Ты же вроде всегда умным был, — сказал отец, — так зачем полез в эти дела? Это же для дураков сделано... Как казино.

Адриан мог бы поспорить, но смысла в этом не было. Как и сил спорить.

— Дома надо было оставаться, — вставила мать, — работал бы себе тихонечко, рисовал бы в свободное время... того глядишь, к этому времени бы уже денег накопил. — Мать умолкла, посмотрела на него, как будто обдумывая, стоит ли продолжать, и все-таки решилась: — А вместо этого шесть лет жизни спустил в унитаз.

Адриан знал, что эти слова соответствовали действительности примерно на девяносто восемь процентов и не стали для него шокирующим открытием; однако ранили его так глубоко и больно, что на несколько секунд он попросту разучился дышать.

— Скажешь тоже — *унитаз*! — Отец в очередной раз оскорбил слово своей интонацией. — Никуда он ничего не спускал. Ну, погулял немного, опыта набрался. А ошибки каждый допускает. Главное, что вся жизнь ещё впереди.

Адриану показалось, что отец возразил матери не по тому, что действительно верил в свои слова, а просто из супружеской вредности.

– Конечно, конечно... – залепетала мать. – Ляпну иногда тоже, не подумав... Адриан, прости меня, пожалуйста. Я не это имела в виду.

Пока способность дышать медленно возвращалась, Адриан вперил свой взгляд в мать и обратил внимание на то, что она накрашена. Конечно, он заметил это еще при встрече, но прямо сейчас помада на губах матери показалась ему чем-то странным, выбивающимся из общей картины. Впрочем, напомнил он себе, мать всегда любила хорохориться: предельная религиозность сочеталась в ней с желанием выглядеть неотразимо при любых обстоятельствах; и если порой это сочетание казалось весьма органичным, то порой, как сейчас – просто странным.

Словно быть такой, как мать, могла только страшная старуха.

– Просто хватит уже говорить обо мне, – сказал Адриан таким ледяным голосом, что испугался себя сам.

– Хорошо, сынок. – Мать поёрзала на стуле и как будто уменьшилась. – Ты только приехал, такой уставший, а я, дура, чешу своим языком, действую на нервы... Плохая я, плохая, нельзя мне даже рот открывать.

Адриан понимал, что она ждёт опровержения своих слов, и нарочно молчал. Тогда мать сделала обиженное лицо и до

самого конца ужина не проронила ни слова.

Встав из-за стола, Адриан пошёл наверх, принял душ и сообщил родителям, что идёт спать. Пожелав друг другу спокойной ночи, они мирно расстались, и Адриан, наконец, лёг в кровать и погрузился в глубокий, блаженный сон, впервые за долгое время лишённый сновидений.

ГЛАВА 3, в которой Адриан понимает, что ему нужно

Проснувшись, Адриан долгое время не мог понять, где находится. Очертания комнаты, в которой он вырос, проступали медленно, с неохотой, как если бы внезапное осознание, где именно он пребывает, могло изувечить его разум. Когда же осознание наконец пришло, Адриан тяжело вздохнул и взглянул на часы. Время было половина двенадцатого дня.

Встав с кровати, он первым делом взглянул на свою сумку, в которой лежали не разобранные вещи, и, поморщившись, решил, что займется ими потом (а лучше всего, чтоб ими занялась мать). Затем напялил на себя домашнюю пижаму, которую мать предусмотрительно оставила на стуле, и вышел из комнаты.

Во всём доме стояла тишина: родители были на работе. Адриан знал, что мать должна вернуться к шести часам, а отец – к полуночи, и это знание было единственным, что сейчас ободряло дух. Дом находился в его полном распоряжении.

Оказавшись в ванной, Адриан присмотрелся к своему отражению и с удивлением обнаружил, что выглядит заметно лучше, чем вчера. Впалые его щеки чуть набухли, кожа приобрела здоровый оттенок, а волосы за ночь взлохматились

так, что сквозь них больше не было заметно залысин. Неужели один только мамин пирог мог сотворить такое чудо? Едва ли.

Умывшись, Адриан спустился по лестнице, и, пока ступеньки тихонько поскрипывали под его ногами, он поймал себя на мысли, что был бы совсем не против жить в этом доме. Правда, мгновение спустя он понял, что главным условием для этого являлась бы смерть родителей – либо их физическое перемещение. А поскольку ни то, ни другое ему в скором времени не светило, то стоило отбросить эти мысли.

Однако сделать это не удалось. Адриан задался вопросом, а каково ему будет без родителей, и запустил новый виток оных размышлений. Да, сейчас он, будучи безработным и безденежным, зависим от матери с отцом, как младенец, и внезапная их смерть не принесет ему ничего, кроме дополнительных проблем; но что, если это случится чуть позже, – когда он обретет источник дохода (спустя недели? месяцы? полгода?) Станет ли он горевать по ним? Или, напротив, почувствует, как с души упал тяжелый камень?

Задумываться над такими вопросами казалось чем-то аморальным, но Адриан уже не мог остановиться.

Итак, с отцом всё ясно сразу: его смерть не затронет ни один нерв в душе Адриана. И как бы сильно ему ни хотелось, вопреки отшлифованному матерью сердцу, почувствовать что-то к отцу, – который, как показал вчерашний ужин, был человеком более здравомыслящим, чем мать, – Адриан

понимал: этого не случится, даже если тот вознесёт к его ногам миллионы.

Совсем иначе дела обстояли с матерью. Если она умрет, то умрет часть Адриана. И не просто умрёт – спокойно и безболезненно – а растворится в нём, как в серной кислоте, взорвётся внутри него, точно звезда, и превратится в чёрную дыру, и будет нить, и опустошать его, пока не засосёт в себя всё... Нет, даже думать об этом было больно. Какими бы противоречивыми ни были их отношения, Адриан понимал, что любит мать, любит, хочет того или нет, и её смерть станет для него концом света.

Наконец, спугнутый мрачностью рисующихся в голове картин, Адриан решительно отбросил все эти мысли и зашёл на кухню. На столе лежала записка, на которой красивым витиеватым почерком было написано: «Завтрак оставила в холодильнике. В вазе на столе лежат деньги, вдруг понадобятся». И подпись снизу – «Твоя мама ♥».

Адриан представил, как мать пишет эти слова, вкладывая в них свою любовь, и вдруг проникся к этому образу чувствами. Да, эта мать была не настоящей, лишенной острых углов, но ведь именно такой он её любил. Доброй, нежной, и... на расстоянии?!

Позавтракав разогретыми в микроволновке макаронами с сыром, Адриан достал сигарету и вышел на крыльцо. Погода стояла прохладная, пасмурная; дневной свет, приглушенный затянувшими небо тучами, был цвета кожи мертвеца и, каза-

лось, растекался над крышами домов, словно ядовитый газ.
– С ума сойти, – проговорил Адриан вслух и поёжился.
Скоро эта фраза станет его привычкой.

Он закурил и, проводив взглядом пролетающий в небе самолёт (в котором одновременно хотелось и не хотелось оказаться), присел на стульчик. Внезапно им овладело странное, беспокойное чувство. Адриан всё никак не мог понять, с чем оно связано, пока не расслышал стук собственного сердца: во всей окрестности стояла гробовая тишина.

Впрочем, объяснение этому нашлось быстро.

Дело в том, что, привыкнув к жизни в большом городе, Адриан воспринял эту тишину как что-то необычное, пугающее; но потом быстро сообразил, что для городка вроде Рычмы – тем более в такую погоду – тишина была явлением естественным, и искать в ней что-то странное не имело смысла.

И всё-таки... уж слишком зловещим было это царившее повсюду безмолвие.

Следом за первой сигаретой Адриан выкурил вторую. Он долго думал, чем же хочет заняться сегодня, но ничего путного в голову не приходило. Разобрать вещи? Нет, пока неохота. Выйти погулять? Прохладно. Кино посмотреть? Да ну нет. Поработать над визуальной новеллой, которую он начал делать ещё три года назад, и каждый раз забрасывал? Даже думать об этом не хотелось.

И вдруг – озарение.

Адриан ненавидел вкус алкоголя и выпивал очень редко,

но прямо сейчас, вопреки всем обстоятельствам, ему захотелось напиться. И не просто напиться, нет, а нажраться, как бродяга в подворотне; как последняя скотина – до беспамятства. Так, чтоб гравитация подкашивала ноги, а голова вскружилась, точно юла.

«Наверное, – подумал Адриан, – именно так становятся алкоголиками».

Во всяком случае, он знал, кто может составить ему компанию. Марта. Его школьная подруга из параллельного класса, и единственный человек в Рычме, с которым он до сих пор поддерживал контакт. Марта уже знала, что он приедет, и, будучи заядлой любительницей выпить, она наверняка согласится на его предложение.

Он достал телефон и, недолго мешкая, позвонил ей.

– Здорова! – раздалось в трубке её мужицкое приветствие.

– Ну что, приехал уже?

– Да. Ещё вчера.

– Поверить не могу. И когда ты собираешься ко мне прийти?

– Я подумал, может быть, сегодня...

– Отлично! – воскликнула Марта так громко, что Адриан едва не отдернул телефон от уха. – У меня как раз сегодня выходной. Давай дуй ко мне. Отпразднуем твой приезд!

Несмотря на то, что они продолжали общаться, Адриан не посвящал её в свои проблемы, а Марта не особо старалась их выведать. Поэтому она и сказала «отпразднуем», как будто

было что праздновать.

– Слушай, а у тебя есть, ну... бухло?

– Скажешь тоже – конечно есть! Но у меня только одна бутылка водки, нам на двоих не хватит. Возьмешь что-нибудь по пути?

– Эм... а что взять?

– Да бери что хочешь. Я буду всё.

Адриан нахмурился.

– Слушай, – сказал он, словно извиняясь, – ты же знаешь, я пью редко, и... я в этом не разбираюсь.

– Ой, понятно... – Голос Марты стал звонким и певчим, как у маленькой девочки. – Возьми тогда *сладенькое* пиво.

– Марта, я серьезно!

– Ну ладно, бери еще одну водку. И газировку какую-нибудь. Для себя.

– Вот газировка мне не помешает.

– Тюфяк, – бросила Марта.

Адриан улыбнулся: впереди его ожидало весёлое времяпрепровождение.

Договорившись встретиться с Мартой через час, Адриан зашёл обратно в дом. Он взял деньги, оставленные матерью на кухне, и пересчитал их: на предстоящие покупки их хватит сполна.

Настроение поднималось, думать о завтрашнем дне уже не хотелось. В конце концов, хоть один раз в жизни он заслужил этого простого низменного счастья. Заслужил забы-

тъя. И если ему повезет, то сегодня ночью он захлебнется в собственной блевотине.

Однако прежде чем уходить, нужно было предупредить мать. Уже заранее подготовившись к её недовольству, Адриан с неохотой набрал мамин номер.

– Как спалось? – спросила та, подняв трубку.

– Хорошо.

– Записку на кухне увидел?

– Да, спасибо.

Мать помолчала, как будто переваривая его благодарность, и наконец спросила:

– Ты чего-то хотел?

– Да, я хотел сказать, что пойду к Марте.

– Что-о!?! Ты до сих пор общаешься с этой... – Мать явно искала подходящее слово, но, не найдя никакого приличного, просто выпалила: – ...девушкой?

– Да. А что такого?

– Адриан, ты даже не представляешь, какие о ней ходят слухи. Ты знал, что она алкоголичка? Пьёт беспробудно. И со всеми спит.

– С её-то габаритами? – усмехнулся Адриан.

– Её габариты ей не мешают. Все в городе говорят, что она... шлюха, прости Господи.

Адриану сложно было представить, чтоб Марта – *девушка* не с самой изысканной фигурой – обслуживала всех городских самцов. С другой стороны, Марта то и дело вскользь

упоминала о своих многочисленных партнерах, а в таком замкнутом месте, как Рычма, выбор среди легкодоступных женщин был невелик. «На безрыбье и рак рыба», могла бы сказать мать.

– Мне всё равно, что про неё говорят, – резко произнес Адриан. – Она моя подруга.

– Неужели она тебе нравится!?

– Не нравится она мне! Мы с ней просто друзья.

– Ах, но ведь так не бывает.

Адриан закатил глаза. Вдаваться в дискуссию о том, существует ли дружба между мужчиной и женщиной, сейчас совсем не хотелось.

– Прошу, – продолжала мать, – хотя бы предохраняйся.

– Да не собираюсь я её трахать!

Последнее слово Адриан произнёс так громко, что оно отскочило от стен и эхом разнеслось по всему дому.

– Фу, как омерзительно, – хрипло проговорила мать. – Не смей так выражаться со мной.

– Так ты первая начала говорить об этом.

– Потому что я волнуюсь за тебя, и...

Слова матери прервал сухой надрывный кашель. Это случилось так неожиданно, что Адриан опешил и забыл, о чём вообще они говорили.

– Ты в порядке? – спросил он с тревогою.

– Да, просто приболела...

Казалось, на том конце провода мать выхаркивала свои

внутренности. Адриан вдруг представил, как она лежит в гробу, и он подходит к её застывшему телу, чтоб попрощаться. Воображение нарисовало всё – и толпу скорбящих дальних родственников, собравшихся на кладбище, и пузатого священника, чья чёрная ряса трещала по швам из-за маленького размера; и даже красную бархатную обивку внутри гроба.

Адриан почувствовал, как вся жидкость во рту испаряется.

– Ты уверена, что всё нормально?

– Да. Обычный грипп.

Мать ещё раз прокашлялась, и на сей раз её голос зазвучал нормально. Адриан успокоился.

– Что, переживаешь за меня?

Признавать это открыто не хотелось, поэтому он решил вернуться к тому, о чём они говорили.

– Я иду к Марте. И точка.

– Хорошо, – с досадой бросила мать. – Я не буду тебе указывать. Ты же у нас взрослый, знаешь, как правильно.

И снова очередной удар под дых. Неужели ей нравится использовать его в качестве боевой груши? Или она просто лопнет, если хоть раз скажет что-то приятное?

– На что ты намекаешь? – спросил Адриан.

– Ни на что, иди куда хочешь. А мне нужно работать.

Всякий раз, когда мать понимала, что может получить сдачи, она отступала. Как и сейчас.

– Ключ лежит в прихожей, – сообщила она напоследок. – Когда будешь уходить, закрой дверь и оставь его в горшке рядом с дверью.

– Ладно.

– И постарайся не потратить все деньги сразу.

С этими словами мать бросила трубку.

Решив выкинуть этот диалог из головы, – но определенно заинтересовавшись репутацией Марты – Адриан поднялся к себе в комнату и долго думал, что надеть. Идти во вчерашнем ему не хотелось, да и лежавшие в сумке вещи тоже были далеко не свежими (он не успел их постирать). Значит, оставалось лишь заглянуть в свой подростковый гардероб.

После длительного копошения в шкафу и откидывания вещей один за другим – некоторые из которых вызывали теперь отвращение, – Адриан, наконец, надел серый зип-худи с надписью «LIBERTY» на спине и темные мешковатые джинсы. Затем перекинул через плечо сумку цвета хаки, которую откопал в самой глубине шкафа, – он обожал носить её подростком – и посмотрел на себя в зеркало.

Потертый ремешок сумки лежал поперёк худи, словно разделяя его тело на две части. В целом, он выглядел неплохо, даже по-своему стильно. Но чего-то как будто не хватало, и только когда Адриан накинул на голову капюшон, образ сложился окончательно.

Предвкушая грядущую попойку, Адриан вышел из дома и направился к железной дороге.

ГЛАВА 4, в которой Адриан отправляется в путь

Дом Марты находился на другом конце города, и чтоб добраться до него, нужно было либо дождаться автобуса – который ходил по одному богу известному расписанию – либо идти пешком минут сорок. Поскольку ждать транспорт можно было и часами, Адриан выбрал второй вариант. Да и размять ноги не помешало бы тоже: последний раз, по ощущениям, он выбирался на прогулку лет десять назад.

Железная дорога вывела Адриана на главную городскую трассу, в то самое место, где находился переезд. Но прежде чем продолжить путь, он решил купить алкоголь в том новом магазинчике, что построили около мельницы.

Открывая дверь, Адриан почему-то был уверен, что внутри магазина никого не окажется. Но за прилавком стояла женщина, ему незнакомая, лет пятидесяти. Она окинула его подозрительным взглядом и, приглядевшись внимательней, Адриан понял, что когда-то уже видел её много раз; но когда и где – не смог бы сказать ни за что на свете. Видимо, те же самые чувства испытывала и сама продавщица, всматриваясь в него так, будто его прислали сюда шпионить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.